

УДК 821.161.1

ОБРАЗ МАТЕРИ В РАССКАЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «РОДИНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА»

© 2012 А.Ю. Грязнова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2012 г.

Аннотация: В статье анализируются мифологический, религиозный и идеологический смыслы образа матери в рассказе А. Платонова «Родина электричества».

Ключевые слова: А. Платонов, образ матери, сиротство, мифопоэтика, архетип.

Abstract: In the article the author analyzes the mythological, religious and ideological meaning of the image of mother in the A. Platonov's short-story "Rodina electrichestva".

Key words: A. Platonov, image of mother, orphanhood, mythopoetic, archetype.

А. Гурвич, отмечая «навязчивость» образа матери в творчестве А. Платонова, пишет: «Герои Платонова не знают матери, не имеют ее, они сохранили ее в своей памяти лишь как мечту. Поэтому и образ ее возникает у Платонова как мечта, а не как конкретная живая личность. Мать дана с точки зрения тех, кто ее не знает, не видит, кто ее ищет, с точки зрения сирот <...> Мать описывается почти всегда покидающей этот мир, оставляющей сирот. Смерть ее – судьба ее детей, судьба детства» [1, 358]. Действительно, герои А. Платонова чаще всего или находятся в поисках матери («Глиняный дом в уездном саду»), или вынуждены наблюдать ее смерть («Котлован», «Такыр», «Семен»). Пребывание ребенка в полной семье можно наблюдать в произведениях писателя столь же редко, как и описание не-сиротского состояния мира. Неполнота, нецелостность, метафизическая разъятость являются, по А. Платонову, основными характеристиками мироустройства, с одной стороны, определяя трагизм человеческого бытия, с другой стороны, толкая человека на поиски путей восстановления целого.

В рассказе «Родина электричества», как и во многих произведениях писателя, образ матери не обладает отчетливыми психологическими характеристиками. Гораздо важнее оказывается его семантическая наполненность. Сюжет рассказа начинается с прощания главного героя с матерью (молодой инженер-электротехник покидает город по поручению губисполкома и отправляется в деревню Верчовка; мать снаряжает его в дорогу, положив в сумку хлеб) и завершается его обратной дорогой («Я... пошел пешком,

по теплой ночи к себе домой, к своей матери» [2, 74]), представляя собой, таким образом, один из вариантов частого в платоновском творчестве сюжета возвращения и сообщая пути героя завершенность. Внутри этого композиционного кольца появляются еще два женских образа: образ старушки, с которой беседует главный герой, и образ Богоматери, изображенной на иконе, с которой жители деревни совершают крестный ход и моление о дожде, причем в описании обеих нельзя не заметить сходства: лица и той, и другой несут печать страдания. В образе женщины, по А. Платонову, воплощено осознание непригодности существующего миропорядка, необходимости его исправления («Да святится имя твое» [3]). Поэтому слезы и горе матери часто возникают в произведениях писателя как реакция на «неправильность» мира или действий человека: инженер Матиссен в повести «Эфирный тракт» видит перед смертью мать, которая плачет кровавыми слезами и жалуется на свое мучение, в романе «Чевенгур» Копенкину снится плачущая мать «с обыкновенным горящим лицом» [4, 170-171].

В «Родине электричества» страдание матерей связано общим мотивом засухи. Мифопоэтические образы земли и воды в художественной прозе А. Платонова имеют явные фольклорно-мифологические корни, идущие от представлений о земле как о матери, плодоносящем начале, и воде как начале, дающем жизнь. Л.В. Карасев, отмечая явную связь мокрой земли или «земляной воды» с материнским началом, пишет: «...Здесь есть все, начиная от идеи реального плодородия почвы, необходимого для победы социализма, и кончая смыслами могилы и утробы» [5, 87]. Кроме того, по мнению Л.В. Карасева, вода явля-

© А.Ю. Грязнова, 2012

ется неперенным атрибутом «пред-детства» — существования внутри материнской утробы. Именно к этому состоянию стремятся, считает исследователь, все платоновские герои — к состоянию максимального родства и целостности. Родившись и разорвав связь с материнским началом, человек начинает путь в сиротском мире, сохраняя, тем не менее, подсознательную память и тоску по миру родственному. Завершение же этого пути является, как правило, возвращением к ситуации не-рождения: так, например, Саша Дванов входит в воду озера Мутево (название которого, утверждает Л.В. Карасев, происходит от слова «мутный» и содержит, таким образом, смысл «земля + вода»).

Земля, напоенная водой, является у А. Платонова залогом будущей, но еще не осуществившейся жизни: «Дождь весь выпал, в воздухе настала тишина, и земля пахла скопившейся в ней, томительной жизнью» [4, 312], тогда как сухая земля, наоборот, имеет признаки старости и увядания: «От зноя не только растения, но даже хаты и колья в плетнях быстро приходили в старость» [4, 49]; «Такая же земля, пустынная и старческая, дует тот же детский ветер, шевеля скулящие былинки, и пространство просторно и скучно, как унылая чуждая душа» [6, 10].

В эпизоде, посвященном крестному ходу жителей Верчовки, обнаруживается идущая еще из языческой мифологии связь земли с женским началом. Морщинистое лицо старухи, потрепавшаяся от засухи земля и лик Марии на иконе оказываются схожи между собой: «Около иконы сидела усохшая старуха, ростом с ребенка, и невнимательно смотрела на меня темными глазами; лицо и руки ее были покрыты *морщинами*, точно застывшими судорогами страдания <...> Старуха покорно сняла платок с головы, и я увидел ее облысевший *череп*, *кости* которого обветшали, готовые уже развалиться и предать безвозвратному праху земли скупко скопленный терпеливый ум...» [2, 64] Высохшее тело старухи, которую герой с легкостью поднимает на руки «как восьмилетнюю девочку», напоминает «тело» земли, страдающей от засухи: «...Глубокие *трещины* образовались в *теле земли*, похожие на провалы меж *ребрами сухого скелета*» [2, 60].

Перед читателем предстает инвертированный образ Матери-Земли. Пережившая своих детей старуха и неспособная дать урожай высушенная почва выступают как знак неосуществления важнейшей функции воспроизведения жизни. Пустыня — земля без воды — является пространством сиротства в ряде произведений А. Платонова. В таком пространстве отсутствуют сразу два характерные для «родственного» состояния мира признака, замеченные Л.В. Карасевым: вода

и наполненность (само слово «пустыня» этимологически происходит от слова «пустой»).

Особую роль играет и отсутствие дождя, который как в языческой мифологии, так и в христианской символике, призван связывать землю и небо, человека и Бога. Распад этой вертикали актуализируется с появлением в эпизоде третьего женского образа — образа Богоматери. Герой-рассказчик обращает внимание на одну из икон, которые несут жители Верчовки: «Большая икона... изображала деву Марию, одинокую молодую женщину, без бога на руках. <...> ...Никакой нежности, глубокой надежды или чувства утраты нельзя было разглядеть в глазах нарисованной Богоматери, хотя обычный ее сын не сидел сейчас у нее на руках; рот ее имел *складки и морщины*, что указывало на знакомство Марии со страстями, заботой и злостью обыкновенной жизни, — это была неверующая рабочая женщина, которая жила за свой счет, а не милостью бога» [2, 63].

Изображение Богоматери «без бога на руках» — свидетельство утраты двух важнейших связей: семейных уз (мать и сын) и связи человека с Богом (отсутствие веры в глазах Марии и ее сходство с обычной рабочей женщиной). Сиротство, понимаемое как богооставленность и богозабвение, обычно рассматривается исследователями в таком его варианте как безотцовщина [7], восходящем к христианской традиции восприятия Бога как отца. Однако в «Родине электричества» обезбоженность является только одним из проявлений сиротства, понимаемого более широко — как метафизическая разъятость мира, его неполнота. И этот смысл сиротства вводится в связи с образом матери, поскольку именно женское начало символизирует постоянство жизни (способность к самовоспроизведению) и ее целостность (мать с ребенком в утробе воплощает собой идею полноты и завершенности). С этой точки зрения, сиротами являются и земля, оставленная без воды, и Богоматерь, изображенная на иконе без сына, и старуха, похоронившая мужа и детей, и крестьяне, напуганные «бесконечностью мира и слабостью ручных иконных богов» [2, 62].

В контексте такого понимания сиротства обилие женских образов в начале «Родины электричества», объединенных архетипом матери, позволяет по-другому взглянуть на название рассказа.

Родина в творчестве А. Платонова обладает не столько пространственным, сколько метафизическим смыслом. В понятие «родина» писателем включается не только буквальный смысл этого слова — земля, на которой родился человек. Родина — это еще и состояние мира, в котором становится возможным родство (так, например, Фома Пухов в финале повести «Сокровенный

человек» чувствует «теплоту родины», хотя территориально находится на чужбине), и то, что дает жизнь (этимологическая связь с корнем *-род-*).

Вспомнив статью Л.В. Карасева, можно заключить, что В рассказе А. Платонова родина парадоксальным образом оказывается пространством, которое характеризуется всеми признаками сиротства: пустотой, засухой и старостью. Этот парадокс разрушается, если взглянуть на произведение в интертекстуальном аспекте. В художественном мире А. Платонова не существует четкой грани между любыми полярными категориями: жизнью и смертью, рождением и умиранием, движением и покоем, родством и сиротством. Одно всегда подготавливает появление другого: жизнь человека после рождения — это медленное умирание, сиротское состояние мира неизбежно и необходимо как толчок для его преодоления.

Пониманием этой неизбежности обладает старуха, с сомнением отнесшаяся к заявлению героя о том, что природа не слышит молитв, но «боится разума и работы». Диалог «ветхой труженицы» и молодого инженера — это столкновение простой, но давшей цену тяжелых испытаний мудрости народа и научного знания. Для молодого героя-рассказчика, целиком устремленного в будущее, крестный ход жителей Верховки — бессмысленный пережиток прошлого. Для самих же крестьян это часть жизни, вошедшая в привычку, точно так же как вошел в привычку непосильный труд и точно так же как ассимилируется народным сознанием новая идеология, воплощением которой в рассказе являются «свет и чтение». Поэтому уже в 1920-е годы молодой А. Платонов, увлеченный идеей переустройства мира, с большой осторожностью высказывается обо всем, что касается народного прошлого. Так, в статье «О любви» он пишет: «Над народом не надо смеяться, даже когда он по-язычески верит в свою богородицу. Сознание, что на небе есть благая богородица — роднее и ласковой матери, дает сердцу мужика любовь и силу, и он веками ходит за сохой и работает и живет как мученик» [8, 542].

Х. Гюнтер утверждает, что обращение к архетипу матери характерно для советского искусства первой половины 1930-х годов в связи с культом Родины. При этом из образа матери, по его мнению, вытеснялось христианское начало, что закономерным образом вызывало обращение к его языческой стороне. В качестве примера автор статьи приводит эпизод из картины С. Эйзенштейна «Генеральная линия» (1929), который событийно напоминает эпизод из «Родины электричества» и «Технического романа»: крестный ход и моление о дожде, которые совершаются на иссохшей земле под иконой Богородицы, по-

казаны автором картины как бессмысленное и напрасное действие [9].

Однако у А. Платонова ни христианский, ни языческий смысл образа Богородицы-матери не исчезают, поскольку именно они задают представление о неизменности и цельности основ жизни: Родина, земля, Богородица, мать — это разные воплощения одного и того же витального начала, функционирование которого в рассказе А. Платонова оказывается нарушенным: земля не приносит урожая, Богородица не является матерью, а Родина становится пространством сиротства. Смысл эпизода с крестным ходом заключается, таким образом, не в дискредитации религии, как можно сказать применительно к «идеологически верному» искусству 1930-х годов, а в фиксации глубокого метафизического раскола, который предстоит преодолевать человеку XX века.

Сведение в одном эпизоде мифологического, религиозного и идеологического подтекстов делает отчетливо заметной связь времен: на смену древним языческим верованиям пришла религия, в 1920-е годы и она уходит в прошлое, уступив место идеологии и науке. Однако смена мировоззренческих шаблонов не устраняет главной причины человеческих бед, лежащей, по мнению А. Платонова, в самой сущности мироустройства. И если задачу орошения почвы герою удастся решить с помощью «разума и работы», то для преодоления онтологического сиротства их явно недостаточно. На это обращает внимание Л. Шубин, когда говорит о неоднозначности финала рассказа: «Рассказ хоть и кончается мажорно — механик приспособливает мотоцикл для подачи воды на общественные огороды крестьян, — все же остается от этого шествия богомольцев, от старухи, “наполненной скорбью и размышлением”, острое щемящее чувство» [10, 208].

«Полного», не-сиротского мира в рассказе «Родина электричества» герой не достигает, и это характерно для большинства произведений А. Платонова, где представление о гармоничном мироустройстве оказывается вынесенным за пределы текста. В рассказе целостность задается на сюжетно-композиционном уровне: повествование начинается и завершается образом матери. Путь главного героя — уход от матери и возвращение к ней — представляет собой схему завершеного пути человека, поскольку именно состояние родства с матерью является как началом жизни, так и ее желаемым платоновскими героями концом. В 1930-е гг. именно по этой схеме будут выстроены рассказ «Такыр» и повесть «Джан».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гурвич А.С. Андрей Платонов / А.С. Гурвич // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к

ОБРАЗ МАТЕРИ В РАССКАЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «РОДИНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА»

биографии. – М., 1994. – С. 358-413.

2. Платонов А. Собрание сочинений в трех томах / А. Платонов. – Т. 1. – М., 1984. – С. 60-74.

3. Андрей Платонов. Сочинения. Научное издание. – Т. 1., кн. 2. – М., 2004. – С. 39-40.

4. Платонов А. Чевенгур / А. Платонов. – М., 1991. – 654 с.

5. Карасев Л.В. Движение по склону. О сочинениях А. Платонова. – М., 2002. – 140 с.

6. Платонов А. Собр. соч. в 3 т. – Т. 2. – М., 1985. – С. 7-115.

7. Спиридонова И.А. Мотив сиротства в «Чевенгуре»

А. Платонова в свете христианской традиции / И.А. Спиридонова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научн. трудов. – Вып. 2. – Петрозаводск, 1998. – С. 514-536.

8. Платонов А. Государственный житель: Проза, письма / А. Платонов. – М., 1988. – С. 539-542.

9. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры / Х. Гюнтер // Соцреалистический канон: Сборник статей. – СПб., 2000. – С. 764-779.

10. Шубин Л.А. Поиски смысла отдельного и общего существования / Л.А. Шубин. – М., 1987. – 368 с.

Грязнова А.Ю.

Воронежский государственный университет.

Аспирант филологического факультета, кафедра русской литературы XX-XXI веков.

Gryaznova A.U.

Voronezh State University.

Postgraduate student, Department of philology, the chaire of Russian Literature of XX- XXI c.c.